
СОВРЕМЕННОЕ ШУКШИНОВЕДЕНИЕ

А. И. Куляпин¹

Алтайский государственный педагогический университет

ТРИ АТАМАНА: ЕРМАК, РАЗИН И ЧАПАЕВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ В. М. ШУКШИНА²

В советской культуре Чапаев предстает как, своего рода, реинкарнация Разина, Пугачева и Ермака. У истоков этого мифа роман Д. Фурманова «Чапаев» (1923). Симптоматичен приведенный в романе круг чтения Чапаева, выявляющий его жизнетворческие ориентиры – «про Разина, Пугачева Емельку, Ермака Тимофеевича». В сталинскую концепцию единовластия органично вписывался ермаков сюжет, но никак не пугачевский или, тем более, разинский, поэтому в фильме «Чапаев» (1934) легендарный комдив так настойчиво сопоставляется в первую очередь с Ермаком. Для Шукшина фильм братьев Васильевых – один из самых любимых. Прямые и завуалированные цитаты из этого фильма присутствуют во многих произведениях писателя. В художественном мире Шукшина Разин – живое воплощение исторической динамики, с той же семантикой связаны образы Ермака и Чапаева. Закономерно, что именно этим символическим личностям противопоставлены герои поздних шукшинских произведения о «забуксовавшей» России – «Забуксовал», «Чердниченко и цирк».

Ключевые слова: сюжет, мотив, символ, миф, персонаж, интерпретация.

---

¹Александр Иванович Куляпин, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета.

²Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта №16-14-22001 «Семиотика пространства в региональной литературе: особенности геопоэтики В.М. Шукшина»

A. I. Kulyapin

Altai State Pedagogical University

THREE ATAMANS: ERMAK, RAZIN AND CHAPAEV IN THE CREATIVE WORLD OF V.M. SHUKSHIN

Chapaev appears as a kind of reincarnation of Razin, Pugachev and Ermak in Soviet culture. Furmanov's novel "Chapaev" (1923) is the basis for this myth. What Chapaev reads is very symptomatic in the novel. It reveals his life-giving landmarks - "about Razin, Pugachev Emelka, Ermak Timofeevich". Ermak's plot is more organic for Stalin's concept of autocracy than Pugachev's or, especially, Razin's plot. That is why the legendary commander Chapaev is so persistently juxtaposed with Ermak in the film "Chapaev" (1934). The film by Vasilyev brothers is one of the most beloved for Shukshin. Direct and veiled quotes from this film are presented in many works of the writer. Razin is a living embodiment of historical dynamics in Shukshin's creative world. The same semantics is associated with the images of Ermak and Chapaev. It is natural that these heroic characters are opposed to the heroes of the late Shukshin's works about the "stalled" Russia, for example, "Stalled (Zabuksoval)", "Cherdnichenko and The Circus".

Keywords: plot, motif, symbol, myth, character, interpretation.

Давно подмечено, что «в народном сознании образы Разина и Ермака постоянно сопоставлялись и дела, поступки Разина часто трактовались народом в сравнении с деятельностью Ермака» [Блажес, 2002, с. 106]. Например, в уральском фольклоре два атамана порой даже «оказывались соратниками» [Блажес, 2002, с. 107]. В ермаковских преданиях второй половины XVIII – XIX вв. встречается довольно необычная контаминация сюжетов-мотивов: «Ермак вместе со Стенькою Разиным, Ванькою Каином, Иваном Мазепой, Гришкой Отрепьевым завоевывает Сибирь» [Блажес, 2002, с. 69].

В романе Шукшина «Я пришел дать вам волю» (1971) Разин, хоть и вспоминает Ермака, пойти по спасительному пути, намеченному покорителем Сибири, не хочет из принципа. По Шукшину, разинский бунт направлен, прежде всего, против «некой большой темной силы», что «взросла на русской земле»: «Та сила, которую мужики не могли осознать и назвать словом, называлась – ГОСУДАРСТВО» (4, с. 132-133)¹. Разин Шукшина до конца остается последовательным врагом самой идеи государственности.

---

¹ Все цитаты и ссылки на тексты писателя, за небольшим исключением, приводятся по этому изданию: Шукшин, В. М. Собрание

Ермак, в отличие от Разина, бросит разбой, заслужит царское прощение и совершит свои знаменитые подвиги во славу отечества. Так, в частности, представлена его судьба в девятом томе «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина: «Именно после выхода этого тома Ермак в качестве одного из национальных героев оказался в фокусе литературного внимания» [Сиренко, 2009, с. 86]. «К числу буйных Атаманов Волжских принадлежали тогда Ермак (Герман) Тимофеев, Иван Кольцо, осужденный Государем на смерть, Яков Михайлов, Никита Пан, Матвей Мещеряк, известные удалством редким. <...> Умные Строгановы предложили сим пяти храбрецам службу честную <...>, убеждали их отвернуть ремесло, недостойное христианских витязей, быть не разбойниками, а воинами Царя Белого <...>, променять имя смелых грабителей на имя доблжих воинов отечества» [Карамзин, 1845, стлб. 224-225].

Федор Сукнин в одной из первых глав романа «Я пришел дать вам волю» предлагает казакам повиниться перед царем: «Бывало же: к царю с плахой ходили. Ермак ходил...» (4, с. 25). Разин в ответ «вскипает гневом: «Нам царя тешить нечем. И бегать к ему каждый раз за милостью – тоже не велика радость» (4, с. 26). Казачьему атаману путь Ермака претит еще и потому, что это «дорога на побег». «А с Волги тоже дорога на побег есть – Ермакова», – говорит Разину Василий Ус (4, с. 174).

Ф. Кривин как-то остроумно заметил: «Исторический роман – это роман прошлого с настоящим». Вот и романый Разин – герой скорее XX, а не XVII века. Биограф Шукшина А. Варламов не зря заговорил даже о «своеобразном русском ленинском большевизме» Разина [Варламов, 2014, с. 170]. Повод для такой оценки дал сам Шукшин. Во время обсуждения сценария фильма о Степане Разине на заседании художественного совета киностудии им. М. Горького 16 февраля 1971 г. он сказал об одном из главных героев: «Знаю, что Матвей шагает немножко как комиссар при Чапаеве» (9, с. 125).

Необходимо учитывать, что в советской культуре Чапаев предстает как, своего рода, реинкарнация Разина, Пугачева и Ермака. У истоков этого мифа роман Д. Фурманова «Чапаев» (1923). Федор

Клычков, назначенный комиссаром в чапаевскую дивизию, ждет встречи с «легендарной личностью», рисует в своем воображении «сказочную фигуру»: «Это несомненный народный герой, – рассуждал он с собою, – герой из лагеря вольницы – Емелька Пугачева, Стеньки Разина, Ермака Тимофеевича... Те в свое время свои дела делали, а этому другое время дано – он и дела творит не те. По рассказам Гриши можно заключить, что у него, Чапаева, удаль и молодечество – главные в характере черты. Он больше именно *герой* (курсив автора. – А.К.), чем борец, больше страстный любитель приключений, чем сознательный революционер. В нем преобладают, по-видимому, и возбуждены до чрезмерности элементы беспokoйства, жажды к смене впечатлений. Но какая это оригинальная личность на фоне крестьянского повстанчества, какая самобытная, яркая, колоритная фигура!» [Фурманов, 1951, с. 57]. Симптоматичен круг чтения Чапаева, выявляющий жизнетворческие ориентиры комдива: «Про Чуркина атамана читал, Разина, Пугачева Емельку, Ермака Тимофеевича...» [Фурманов, 1951, с. 135].

Для Фурманова, создававшего роман по горячим следам событий Гражданской войны, параллель между Чапаевым, Разиным и Пугачевым намного важнее параллели Чапаев – Ермак. Советская литература двадцатых годов склонна поэтизировать стихийность революционного движения. Фильм братьев Васильевых «Чапаев» (1934) будет снят через десять лет после выхода романа, когда мода на стихийность уже прошла. В сталинскую концепцию единовластия органично вписывался ермаков сюжет, но никак не пугачевский или, тем более, разинский, поэтому киношный Чапаев так настойчиво сопоставляется именно с Ермаком.

В ночь перед гибелью Чапаева Петька в сопровождении хора бойцов поет песню «Ревела буря, дождь шумел...», в которой описывается гибель Ермака в водах Иртыша. Вскоре та же судьба при сходных обстоятельствах ждет и самого комдива: «Чапаев потонул в волнах Урала...» [Фурманов, 1951, с. 310]. Колчаковцы нападают на Чапаева также коварно, как Кучум на Ермака. Примечательно, что текст думы Рылеева «Смерть Ермака» в этом месте корректируется: Кучум в песне чапаевцев именуется «презренным царем Сибири». У Рылеева этот фрагмент выглядел иначе:

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,

Татар толпами окруженный

[Рылеев, 1971, с. 145].

Титул «царь Сибири» в ситуации 1919 года ассоциировался, конечно, не столько с Кучумом, сколько с Колчаком. Известна партизанская песня времен Гражданской войны (записана на Урале, в Алапаевске в 1931 году) «Колчак, презренный царь Сибири, / Хотел Россией завладеть...» [Элиасов, 1957, с. 97].

Миссия Чапаева масштабнее Ермаковой, он воюет не за новые территории, а за светлое социалистическое будущее. Его Сибирь напоминает легендарное Беловодье, страну благоденствия, справедливости, свободы и бессмертия. Незадолго до гибели Чапаеву слегка приоткрывается тот мир, за который он сражается. «Счастливые вы с Петькой, – говорит он Анке. – Вот поженитесь, работать вместе будете. Война кончится. Великолепная будет жизнь. Знаешь, какая жизнь будет? Помирать не надо!».

Шукшин очень любил картину братьев Васильевых, много раз высказывался о ней в письмах, статьях и интервью. В программной для раннего Шукшина статье «Как я понимаю рассказ» (1964) фильм представлен в несколько неожиданном ракурсе: «Всякий раз, когда я начинаю смотреть “Чапаева”, я как будто начинаю бежать (прямо до галлюцинации). И удивительно, хорошо от этого упоительного чувства. И всякий раз, когда фильм подходит к концу, я обнаруживаю с грустью, что бежал слишком скоро, радость кончилась, мое движение прекратилось» (8, с. 13).

Шукшин и его герои, как правило, связывают мотив движения с идеей прогресса, с городом, с эпохой НТР: «Что же такое современность? Машины. Скорости, скорости, скорости» (8, с. 24); «Знание – это скорость» (8, с. 174); «Атомный век, мля, – должна быть скорость» (7, с. 23) и др. Однако в годы брежневского застоя динамика развития страны, которую столь высоко ценил Шукшин («Скорость вообще надежное дело», 8, с. 174), сходит на нет. Отсюда появление в произведениях писателя символов бега на месте («Ванька Тепляшин», 1973) и движения по кругу («Верую!», 1971).

В рассказе «Забуксовал» (1973) Шукшин предпринял попытку кардинальной реинтерпретации хрестоматийного образа «необгонимой» «Руси-тройки» [Гоголь, 1960, с. 356]. Герой рассказа Роман Звягин «с досады ли, со злости ли» вдруг вспоминает, что Русь-то оказывается «Чичикова мчит» и тем самым пытается в

корне дискредитировать саму идею движения: «Мчимся-то мчимся, елки зеленые, а кого мчим?» (6, с. 88). В разговоре с учителем Роман называет имя того, кто, по его мнению, достоин занять место в «летающей по воздуху» «птице-тройке»: «...в тройке-то Чичиков. Ехай там, например... Стенька Разин, – все понятно. А тут...» (6, с. 89).

Рассказ «Забуксовал» написан в 1971 году [Аннинский, 1993, с. 594]. Для Шукшина этот год отмечен главным образом долгожданной публикацией романа «Я пришел дать вам волю». В финале романа потерпевшего поражение, преданного атамана ввозят в Москву как раз на тройке, правда, отнюдь не гоголевской:

«Затем ехал Степан на большой телеге с виселицей. Под этой-то виселицей, с перекладкины которой свисала петля, был распят грозный атаман <...>.

Телегу везли три одномастных (вороних) коня» (4, с. 321).

Тройка и здесь, разумеется, – символ Руси, вот только вольному атаману Разину в ней совсем не так комфортно, как «прохиндею» Чичикову.

В художественном мире Шукшина Разин – живое воплощение исторической динамики. С той же семантикой связаны в его художественном мире образы Ермака и Чапаева. С этими символическими личностями прозрачно сопоставлен заглавный персонаж еще одного произведения о «забуксовавшей» России – рассказа «Чередниченко и цирк» (1970).

Речь плановика Чередниченко обильно уснащена как явными, так и завуалированными цитатами. Фраза «Сегодня здесь, завтра там...» [Шукшин, 1992, с. 513] – отсылает к любимой песне Чапаева «Ты, Моряк, красив собою...» «Песенка <...> растрепанная, пустая, бессодержательная», но ее припев «Нынче здесь, а завтра там!» «так паялся хорошо с <...> партизанной, кочевой, беспокойной жизнью» [Фурманов, 1951, с. 97]. Песню про Ермака («Ревела буря, гром гремел...») Чередниченко собирает «базланить с мужиками» во время маевки [Шукшин, 1992, с. 516].

Чередниченко очень хотел бы походить на легендарных храбрецов прошлого, его внезапное сватовство к циркачке Еве – попытка соответствовать ни много ни мало роли «героя, жертвы и учителя жизни» [Шукшин, 1992, с. 514]. Однако всё оборачивается лишь нелепой клоунадой. «Налюбовавшись собой, своей решительностью», Чередниченко отступает: «Тем-то, видно, и

отличаются истинно сильные люди: они не знают сомнений. Чередниченко грызло сомнение» [Шукшин, 1992, с. 515].

В финале рассказа Чередниченко, сидя на лавочке, рассматривает «огромный пароход “Россия”». Рядом безымянные парень с девушкой мечтают поплыть на этом пароходе «куда-нибудь далеко-далеко», а Чередниченко «очень хорошо на скамеечке, удобно», и он иронизирует: «Давайте, давайте – плывите, машинально подхватил их слова Чередниченко, продолжая спокойно разглядывать пароход. – Плывите!.. Молокососы» [Шукшин, 1992, с. 518].

Скепсис *плановика* Чередниченко призван подчеркнуть неосуществимость юношеских мечтаний о далеком плавании на корабле с символическим названием «Россия».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аннинский, Л. Комментарии / Л. Аннинский // Собрание сочинений: в 6 т. / В.М. Шукшин. – Т. 3. – Москва: Молодая гвардия, 1993. – С. 591-605.

Блажес, В. В. Фольклор Урала: Народная история о Ермаке / В. В. Блажес. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. – 186 с.

Варламов, А. Василий Шукшин – зашифрованный воин России / А. Варламов // Алтай. – 2014. – № 6. – С. 155-173.

Гоголь, Н. В. Мертвые души / Н.В. Гоголь // Собрание художественных произведений: в 5 т. / Н.В. Гоголь. – Т. 5. – Москва: Изд-во АН СССР, 1960. – 568 с.

Карамзин, Н. М. История государства Российского: в 3 кн. / Н. М. Карамзин. – Кн. III (Т. 9-12). – Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца, 1845. – 730 с.

Рылеев, К. Ф. Смерть Ермака / К.Ф. Рылеев // Полное собрание стихотворений / К.Ф. Рылеев. – Ленинград: Советский писатель, 1971. – С. 142-145.

Сиренко, О. В. Любовная интрига как структурный компонент «колониационного» сюжета русской литературы (на примере текстов XIX века о Ермаке) / О.В. Сиренко // Филология и человек. – 2009. – № 4. – С. 85-92.

Фурманов, Д. А. Чапаев / Д.А. Фурманов // Сочинения: в 3 т. / Д. А. Фурманов. – Т. 1. – Москва: ГИХЛ, 1951. – 324 с.

Шукшин, В. М. Чередниченко и цирк / В.М. Шукшин // Собрание сочинений: в 6 т. / В.М. Шукшин. – Т. 2. – Москва: Молодая гвардия, 1992. – С. 509-518.

Шукшин, В. М. Собрание сочинений: в 9 т. / В.М. Шукшин. – Барнаул: ИД «Барнаул», 2014.

Элиасов, Л. Е. Народная революционная поэзия Восточной Сибири эпохи Гражданской войны / Л.Е. Элиасов. – Улан-Удэ: Бурят-Монгольское кн. изд-во, 1957. – 278 с.